

Яркие, не потерявшие изначально синего цвета, глаза. Спортивная фигура, как подтверждение крепости духа, и седой бобрчик волос. Таков портрет старейшего нотариуса нашего района.

Он рано привык отвечать за себя, брать ответственность за судьбу самых близких ему людей. Так сложилась жизнь, точнее – он сам выстраивал генеральную линию своей жизни.

Сверхмарафон Евгения Демидчика

Представьте послевоенную деревню в Белоруссии. Наверное, в ней жилось не легче, чем в любой послевоенной российской деревне: те же холод, голод, «палочки» вместе трудодней, нет взрослых мужчин, и ни у кого нет паспортов. Крепостные «его величества Сталина», в глухой деревне с чисто белорусским названием Забашовичи крестьяне жили без света, без радио и даже без газет.

Новости из большого, другого мира доходили странным и причудливым образом – от села к селу. Но похоронку на отца семья Демидчиков: мама Стефанида и два сына – получили. Как ни странно, но обязанности главы семьи и первого мамино помощника взял не старший, а младший сын – Женя. Десятилетний парнишка – крепкий, рослый, умел делать все: пахал и косил наравне со взрослыми мужиками, рубил лес и колол дрова. Доил корову и кормил свиней, пас лошадей в ночном и сажал картошку. «Я не боялся никакой работы, – рассказывает мне Евгений Викторович, – я брался за любую, чтобы только помочь матери, которая выдыхалась на колхозной работе так, что смотреть на нее было тяжело. Я хотел выбраться из этой колхозной кабалы, где у меня не было никакой, как мне казалось, будущности. Да и мать, глядя на меня, повторяла: «Вот уедешь в город, выучишься на инженера, приедешь в шляпе, все деревенские ахнут: «Неужели это Женя Демидчик!»

О такой профессии, как адвокат или нотариус, никто в Забашовичах не слышал, а город Ленинград вообще, по мнению сельчан, был вроде заграницы. А наяву было вот что: школа в обыкновенном деревенском доме, где было печное отопление, дрова

ученики и учителя заготавливали сами, никаких учебников и тетрадей, занимались при лучине, в лучшем случае кто-нибудь из учителей приносил в школу керосиновую лампу. До районного центра, города Могилева – 25 километров, до Минска еще дальше, и поэтому учитель русского языка так в Забашовичи и не приехал. Все предметы велись на белорусском языке. Но Женя очень хотел учиться, как-то интуитивно чувствуя, что это единственный путь к свободе и к другой жизни.

Он закончил десять классов. Успешно, как сказал директор. Затем ушел в армию, а отслужив, поехал поступать в Ленинград, выбрав ВПШ – Высшую профсоюзную школу. Евгений был в солдатской шинели и в сапогах, – все, что было у него в собственности, да солдатский же трюх, а самое главное – у него был паспорт, который с боем и с плачем выпросила мать у директора колхоза.

– Вот тогда-то я и поседел, в одну ночь... – говорит мне Евгений Викторович.

– Паспорт украли? Умер кто-то? – предполагаю я. Демидчик отрицательно качает головой.

– Нет. По другой причине. Вы можете себе представить, что я почти не знал русского языка. А первый экзамен – сочинение. Я спросил у преподавателя, какой самый минимум можно написать. И писал, обдумывая каждое слово, как сапер по минному полю шел, в поиске русских слов. Написал, сдал, пришел в общежитие и лег, укрывшись одеялом. Так я пролежал не то 12 часов, не то больше – всю ночь не сомкнув глаз. Понимал, что больше, чем на тройку, мне рассчитывать не приходится. И я мысленно представлял себе, как я приезжаю в деревню, с позором, как я скажу: не поступил!

лович, солдат, пропал без вести в феврале 1943 года, Павел Михайлович, погиб, Петр Михайлович, погиб, Константин Михайлович, погиб.

Их родители Михаил Алексеевич и Надежда Ивановна, мои дедушка и бабушка, после гибели 5 сыновей, получив последнюю похоронку, вскоре скончались. Похоронены на вартемягском кладбище.

У моих мамы с папой нас было четверо: Николай, Владимир, я – Василий, 1936 г. р., младшая сестра Валентина. Все из Вартемяг. Дом родителей стоял за фермой. Когда отец ушел на фронт, старшим в семье, естественно, оказался брат Николай – 12-летний «мужик». На его долю выпало помогать матери, воспитывать нас. Он будил, поднимал, распределял одни валенки на всю семью, организовывал работу. Был у нас промысел – заготовка метел и насаживание их на черенки.

Каждое утро уходили в лес с большими санками. Резали ветки, заготавливали черенки. Потом грузили все это на санки, везли для сдачи дяде Сергею Кузьмину. Поначалу сдача метел и расчет за них проходили нормально, а потом кончился

А утром я встал, и ребята (а у нас много человек в комнате было), говорят:

– Женя, а ты на себя сегодня в зеркало смотрел?

– Нет, а что?

– А ты посмотри на себя!

Я посмотрел и глазам своим не поверил: за ночь из брюнета стал я блондином. Поседел...

... Я осторожно спрашиваю: «Неужели так переживали из-за какого-то сочинения?»

– Представьте, что такое для деревенского мальчишки, который никогда города не видел и слаще морковки ничего не ел, был – Ленинград, высшее образование. Что для меня значила мать и мнение односельчан. А потом – я гордый был парень и привык идти к намеченной цели и добиваться своего.

Жизнь Евгения Викторовича закалила: днем он учился, а ночами крепкий и физически развитый парень работал грузчиком на «Красном треугольнике». Грузил резиновые сапоги и галоши.

Ему повезло с женой: встретил он Раису, которая заканчивала к тому времени институт Герцена, и влюбился раз и на всю жизнь. Благодаря Раисе Александровне вся дальнейшая жизнь семьи навсегда оказалась связана со Всеволожским районом. Молодым дали комнату в Колтушах, Раису Александровну распределили в детский сад в институт Павлова. Кстати, тогда были молоды и счастливы, 13 квадратных метров казались хоромами, имущества было – матрац с книгами, хорошее настроение их не оставляло, соседи принесли в подарок кровать с никелированными шариками – и жизнь была прекрасна! Они ждали первого ребенка. Он поступил в Ленинградский Государственный

университет имени Жданова получать второе образование – хотел стать юристом. Сочинение и русский язык Евгения Демидчика к тому времени уже не пугали. Супруга всю жизнь на одном месте и проработала, оставив о себе добрую память. Два года назад ее не стало, и это горе пережить Евгению Викторовичу помогла работа и, конечно, друзья.

30 лет Е. В. Демидчик отработал в юридической консультации, до того как стать нотариусом.

– А я никогда не шел против своей совести, – говорит Евгений Викторович.

И признается мне, что сейчас уже не хотел бы работать адвокатом как раньше, ему больше нравится быть нотариусом. Две его дочери – Неля и Елена, тоже закончили юридический, пошли по стопам отца, и у них уже семейная династия юристов. А еще несколько лет Е. В. Демидчик возглавлял Избирательную комиссию всей Ленинградской области. Вручал свидетельства аж двум губернаторам: Белякову и Густову (на снимке Евгений Викторович слева).

Наш ровесник района по прежнему весь в делах, энергичен, подтянут. А еще он не хочет терять спортивной формы: каждый день, минута в минуту, ровно в шесть утра, Евгений Викторович выходит на свой личный марафон на Колтушское шоссе. Демидчик профессиональный марафонец. Бегал марафоны и сверхмарафоны за Ленинградское общество «Спартак», до сих пор участник всех пробегов по «Дороге жизни». Его коронная фраза: «Жизнь – это движение. Поэтому пока бегу – я живу. Мне нельзя останавливаться».

Татьяна ТРУБАЧЕВА

И здесь мой дом родной

75 лет Всеволожскому району. Для меня и моей семьи – это большой праздник, так как почти вся жизнь связана с этим краем.

16-летней девочкой, без паспорта, со справкой из колхоза в д. Пятилипы Новгородской области, я приехала учиться во Всеволожский сельхозтехникум на ветеринарное отделение. Поступила, получила паспорт и... Трудно и голодно было жить и учиться. В комнатах общежития по 4 – 6 человек. Отопление печное. Сами топили печи торфяными брикетами, сами их таскали со склада. Стипендия – 14 рублей, а из этих денег надо что-то отложить на гостинцы родным в деревне (хлеба, булочки городских, колбаски, одежды какой-нибудь)...

Ситный килограммовый хлеб, маргарин, килька в томате – вот деликатесы для студентов в ту пору. Но учились хорошо, а посылками из деревни делились с друзьями.

В 1959 году, закончив с отличием техникум, мы с моим мужем, тоже выпускником этого техникума, по приглашению приехали на работу в Рапполово, в питомник лабораторных животных Академии медицинских наук. Сразу хочу оговориться, что в разное время из Всеволожского сельскохозяйственного техникума в питомник пришли работать около двух десятков специалистов. На сегодняшний день в Рапполово проживает шесть человек – сестры Маслюковы (Сиквонен Н.А. – нынче 75 лет со дня рождения), Покровская Т.А., Филимонов Г.В., Кяппи А.И., Ляпушова А.Д.

Мне, молодому специалисту, в 1959 году было 20 лет, и питомник тоже был молодым, только создавался. Сначала это была экспериментальная база Института онкологии, затем экспериментальной медицины и только 22 сентября 1956 года он стал называться питомником лабораторных животных «Рапполово».

Он и сейчас работает, выращивает лабораторных животных для медицинских целей. Начиная с перестройки, с 1992 года, объем производства резко сократился, и не по вине работников.

Я начинала работать зоотехником, позже заочно окончила Пушкинский сельскохозяйственный институт, стала экономистом, потом старшим экономистом, заместителем директора, а с 1992 года – директором. Старшее поколение помнит, какое это было время – так называемая приватизация: после банкротств, разворывания народного добра рушилось создаваемое годами, денег ни на что не было.

Питомник сохранился, хоть и с потерями, благодаря стойкости и добросовестности коллектива. Да, иногда зарплату не платили вовремя, но с согласия коллектива. В первую очередь закупались корма для животных, заключались договоры с поставщиками услуг (воды, угля, электроэнергии). Забота о жилом фонде деревни до этого развала была на руководстве питомника. Не счастье всех трудностей... Однажды даже пришлось обратиться за помощью к А.А. Собчаку – помог. Спасибо всем, кто помогал питомнику в то трудное время. Спасибо областному правительству за списанный кредит в пять миллионов рублей.

Нынче 22 сентября у питомника тоже юбилей – ему исполняется 55 лет. Хочу со страниц нашей газеты поприветствовать весь коллектив и всех ветеранов производства с этой датой и пожелать крепкого здоровья и творческих успехов. Ведь за эти годы он внес большой вклад в наш замечательный район..

Свой пост директора я оставила в 2007 году. Мужа Бориса схоронила еще в 1982 году. Вырастила хорошего сына, есть внуки и правнуки. Люблю копаться в огороде. Но на покой рано. Еще очень хочется поделиться своими опытом и знаниями, поэтому активно участвую в работе Совета ветеранов МО «Токсовское городское поселение».

Всеволожская земля когда-то стала для меня домом. Я поздравляю мой район с юбилеем! Желаю его жителям всего хорошего!

С уважением,
Антонина Дмитриевна ЛЯПУШОВА

«Вартемяги – наше место на земле»

Василию Дмитриевичу Рачкову нынче исполнилось 75 лет. Вся его семья связана с д. Вартемяги и многим старожилам известна. Сегодня, в юбилей района, Василий Дмитриевич рассказывает о своих родных.

«Мой отец Рачков Дмитрий Михайлович родился в 1903 году в д. Вартемяги. Ушел на фронт в 1941 году. Воевал в войсковой части 118 СП на территории тогдашней Карело-Финской ССР. В 1943 году отец вместе с другом-односельчанином С. И. Алданиным и командиром (его в воспоминаниях все уважительно называют отцом-командиром) пошли в разведку. Задание было выполнено, захвачен «подъязычник». Но командир получил ранение и с трудом передвигался.

Отец с Алданиным тащили пленного. Командиру стало хуже, и отец оставил пленного на своего товарища, а сам двинулся помогать ослабевшему командиру. Но в этот момент взорвалась мина, отец получил тяжелые ранения: разом оторвало руки и ноги.

От сильнейшего кровотечения он умер. Это было 11 сентября 1943 года. Но товарищи смогли похоронить его. Теперь мы знаем, где могила отца: она в Карельской АССР Калевальского района, на станции Ухта. Все это я знаю со слов вернувшегося с войны С. И. Алданина.

У моего отца было еще 4 брата. Семен Михай-